

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЫТ

DOI 10.37386/2305-4077-2023-1-51-62

С. А. Кибальник¹

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

К ПОНЯТИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ДУЭЛИ» («поединок» Г. Газданова с В. Набоковым)

В статье выдвигается понятие «литературной дуэли». Речь идёт о таком, как правило, частично открытом, частично скрытом – обмене личными выпадами со стороны двух писателей, при котором происходит своего рода «обмен выстрелами». Иногда после этого он продолжается ещё какое-то время. В статье описана своего рода «литературная дуэль», которую образует скрытая интертекстуальная полемика Г. Газданова с В. Набоковым. В частности, в образе Владимира Вольфа из романа Газданова «Призрак Александра Вольфа» присутствуют черты Набокова, а пародию на Газданова можно обнаружить в одном из второстепенных образов нашумевшего набоковского романа «Лолита».

Ключевые слова: дуэль, литературный, понятие, Г. Газданов, В. Набоков

S. A. Kibalnik

Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences

ON THE CONCEPT OF “THE LITERARY DUEL” (“duel” between G. Gazdanov and V. Nabokov)

The article puts forward the concept of “literary duel”. What is at issue is an exchange of personal attacks – usually partly open, partly hidden – on the part of two writers, in which a kind of “exchange of shots” takes place. Sometimes after that the exchange of shots continues. As an example, the article describes a kind of “literary duel”, which, to a certain extent, is based on a hidden intertextual polemic between Gazdanov and Nabokov. In particular, in the character of Vladimir Volf in Gazdanov’s novel “The Ghost of Alexander Volf”, there are features of Nabokov, and a parody of Gazdanov can be found in one of the minor characters of Nabokov’s sensational novel “Lolita”.

Key words: duel, literary, concept, Gazdanov, Nabokov

В статье выдвигается понятие «литературной дуэли». Речь идёт о таком, как правило, частично открытом, частично скрытом – обмене личными выпадами со стороны двух писателей, при котором происходит своего рода «обмен выстрелами». Иногда после этого обмен выстрелами продолжается.

Классическая «литературная дуэль» развернулась, например, между Ф. М. Достоевским и И. С. Тургеневым. Дуэль эту, кстати сказать, начал Тургенев своим написанным в соавторстве с Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым «<Посланием В. Г. Белинского Ф. М. Достоевскому>» (1846). После этого Досто-

¹ Сергей Акимович Кибальник – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

евский неоднократно отвечал Тургеневу криптографическими изображениями его в своём творчестве [см.: Кибальник 2019] и, наконец, в «Бесах» (1871–1872) разразился открытым памфлетом в образе Кармазинова. Насколько известно, Тургенев не отвечал на эти выпады Достоевского в своих художественных произведениях, но неоднократно нелестно отзывался о Достоевском в своих письмах.

Можно вспомнить в связи с этим также пародию на Максима Горького в романе Фёдора Сологуба «Мелкий бес». В прижизненные издания романа она не вошла, но была опубликована автором отдельно в газете «Речь» в 1912 году – спустя пять лет после выхода романа отдельной книгой. На памфлет Сологуба Горький также ответил памфлетом, причём также в художественной форме – сказкой о Смертяшкине (из цикла «Русские сказки» [см. подробнее: Сологуб 2004, с. 722–738]).

Явление это на самом деле достаточно распространённое, но, к сожалению, до сих пор не обращавшее на себя внимание как особый феномен литературной жизни. Вот почему стоит заниматься как явлением незамеченных до настоящего времени литературных дуэлей, так и своего рода теорией этого явления литературы.

1. Первоначальная идиллия

Литературную дуэль Гайто Газданова с Владимиром Набоковым, которая развернулась между ними в 1940-х – 1950-х годах, вначале, в 1930-е годы, казалось бы, ничто не предвещало.

Критики нередко называли этих писателей двумя самыми яркими прозаиками младшего поколения русского зарубежья. Сами же Газданов и Набоков, соперничая между собой за пальму первенства в литературе первой русской эмиграции, – пусть хотя бы в составе их, так сказать, «молодежных сборных» – в противоположность тому, как это обычно бывает, не испытывали друг к другу ни тайной, ни явной недоброжелательности.

Не будучи лично знакомы, они, судя по всему, скорее питали по отношению друг к другу неподдельный интерес, а, возможно, даже и искреннюю симпатию. Эти заочные чувства Газданова и Набокова в основном зиждились, конечно же, на знакомстве с произведениями друг друга.

По существу отрицая в своих нашумевших статьях середины 1930-х годов – «Литературные признания» (1934) и «О молодой эмигрантской литературе» (1936) – само существование писателей-младозэмигрантов, Газданов делал исключение только для одного из них – именно для Набокова-Сирина. Более того, скромно умалчивая при этом хотя бы о самом себе, Газданов называл его «единственным талантливым писателем “молодого поколения”».

В свою очередь Набоков – возможно, отвечая на этот небезоговорочный комплимент, – поместил газдановский «Вечер у Клэр» на книжную полку героя написанного в 1934–1935 годах рассказа «Тяжелый дым» (<1935>)².

² Об интертекстуальных связях между Набоковым и Газдановым см. также, например: [Диенеш, 1995, с. 273–282]; [Левинг, 1999, с. 75–90]; [Шульман, 2000, с. 15–24].

Всё это, конечно же, не случайно. В 1930-е годы Газданов и Набоков вообще постоянно и внимательно читали друг друга. Следы этого чтения разбросаны по страницам многих их произведений.

Так, создавая свой первый англоязычный роман “The Real Life of Sebastian Knight” («Подлинная жизнь Себастьяна Найта», 1938–1941), личное внутреннее раздвоение на русскоязычного и англоязычного писателя Набоков воплотил в образах сводных братьев, рожденных один от русской, а другой – от английской матерей. При этом он отчетливо отталкивался от главных героев-братьев газдановской во многом автобиографической «Истории одного путешествия» (<1934–1935>).

По всей видимости, не случайно превращающийся в Набокова Сирин главной героине «Подлинной жизни...», прототипом которой отчасти послужила его жена Вера Слоним [Бойд, 2010, с. 574, 580–581], дал поставленное в заглавие дебютного газдановского романа женское имя «Клэр» [см. подробнее: Кибальник 2015, с. 165–166]. Немало в первом англоязычном набоковском романе скрытых «приветов» и другим романам Газданова – «Полет» (<1939>) и «Ночные дороги» (<1939–1940>).

2. Творческие разногласия

Между тем литературные убеждения Газданова и Набокова с самого начала были скорее противоположными, чем близкими.

Так, Газданов отстаивал необходимость создания «литературы в ее не европейском, а русском значении» и вспоминал в связи с этим толстовское требование «правильного морального отношения» к изображаемому [Газданов 2009, т. 1; с. 749]. Набоков же сознательно и последовательно отрицал допустимость подобных требований. При этом сам он создавал литературу скорее в западном понимании слова.

С течением времени эти расхождения только усилились.

Набоков вполне органично для себя перешел в англоязычную словесность, став одним из предтеч постмодернизма в литературе. Русский писатель Сирин, став Набоковым, превратился в писателя по преимуществу американского – причем не только по языку и месту жительства.

Газданов также имел полную возможность начать писать на иностранном языке – в его случае на французском. Языком этим он владел в совершенстве – включая и арго, которым написана значительная часть текста его автобиографического романа «Ночные дороги» (<1939–1940>). В особенности это касается фрагментов первоначальной редакции, опубликованной в «Современных записках» [см. подробнее: Кибальник, 2009, с. 348–351].

Несмотря на это, до конца жизни Газданов продолжал заниматься литературным творчеством почти исключительно на русском языке. Едва ли не единственным исключением стала его документальная книга о французском Сопротивлении “Je m’engage à defendre” (Paris, 1946; в русском переводе «На французской земле»).

Более того, духом русской культуры Газданов насыщал даже те свои поздние произведения, в которых действуют уже исключительно – или почти исключительно – герои-иностранцы. Именно так обстоит дело, например, с его девятым и последним романом «Эвелина и ее друзья» (1968–1971).

Этим серьезным эстетическим разногласиям между двумя писателями в поздние годы вполне соответствуют их поздние личные контакты – заочные неллицеприятные высказывания о Набокове со стороны Газданова и полное молчание о последнем Набокова.

3. Криптографические образы Набокова у Газданова

Творческие разногласия между Газдановым и Сириным, которые сложились еще в 1930-е годы и сквозят уже в комплиментарных печатных отзывах Газданова о Набокове 1934 и 1936 годов, рано или поздно должны были сказаться. И в 1940–1950-е годы они даже приобрели характер своего рода интертекстуальной дуэли между ними.

Опубликованный вскоре после Второй мировой войны роман Газданова «Призрак Александра Вольфа» (<1947–1948>) ознаменовал серьезную метаморфозу в его творчестве. Метаморфоза эта отчасти напоминает трансформации, которые претерпело по мере его литературного развития творчество Альбера Камю – от «Постороннего» (1942) к «Чуме» (1947).

Вторая мировая война вызвала пересмотр обоими писателями их атеистически экзистенциалистских жизненных позиций. Ощущение холода и отчаяния, пронизывавшее прежние произведения Газданова и Камю, сменяет у них обоих внутренняя убежденность в необходимости активной жизненной позиции и участия в борьбе.

В новом романе Газданова эта убежденность воплощается через хотя и непрямо, но довольно откровенно выраженный антинабоковский подтекст. В главном его герое Александре Вольфе – впрочем, своеобразном двойнике героя-рассказчика, олицетворяющем темную сторону его души, – русском писателе-эмигранте, пишущем по-английски и живущем в Англии, в общем-то без труда узнается Сирин.

То, что скрытые аллюзии на Набокова входят в этом романе в художественные интенции Газданова, выражается прежде всего в том обстоятельстве, что герой этот носит фамилию одного из героев рассказа Набокова «Музыка» «Вольф» (1932; рассказ входит в сборник «Соглядатай», опубликованный в 1938 году). В то же время фамилия эта представляет собой сокращенную анаграмму имени и фамилии Владимира Набокова, особенно если имя писателя взять в его западном варианте «Воль<демар Набоко>в», а конец фамилии, в соответствии с русским произношением или немецким написанием “Nabokoff”, оглушить.

При этом герой-рассказчик вначале сходится с Вольфом в своего рода спонтанной полевой дуэли и в начале романа ранит, а в финале и убивает его, предотвращая возможный повторный выстрел Вольфа в Елену Николаевну – предмет

любовного увлечения со стороны обоих героев [см. подробнее: Кибальник, 2011, с. 243–262].

Представление о личности и творчестве Набокова как о своего рода квинт-эссенции экзистенциального отчаяния сложилось у Газданова не только под впечатлением от произведений писателя. Именно в таком духе их по преимуществу интерпретировала и литературная критика русского зарубежья.

Возможно, пытаясь смягчить впечатление от этого скрытого литературного пастиша на личность и творчество Набокова, в годы Второй мировой войны Газданов написал рассказ, публикуемый в настоящее время под условным заглавием «<Ольга>». Набоков снова выведен в нем в образе его главного героя-писателя.

Однако писатель Борисов в этом газдановском рассказе обрисован в гораздо более привлекательном свете, чем писатель Вольф. Впрочем, герой-рассказчик «<Ольги>» – точно также, как и последний, – соперничает с Борисовым в борьбе за любовь главной героини. Причем в конце концов снова побеждает [Кибальник, 2011, с. 265–269].

4. Ответный выстрел Набокова

Рассказ Газданова «<Ольга>» остался неопубликованным при его жизни и, естественно, не мог быть известен Набокову. Между тем роман «Призрак Александра Вольфа» – как и практически все, что печатал Газданов в 1930–1940-е годы, – он, конечно же, прочитал.

Перечисленные выше аллюзии на Набокова в художественной ткани газдановского романа носят довольно тонкий характер. Вот почему проанализированы системно и за счет этого продемонстрированы с полной убедительностью они были сравнительно недавно [Кибальник, 2011, с. 244–262].

Тем не менее, отдельные из этих аллюзий обращали на себя внимание исследователей с давних пор. Так, например, в рецензии на первые сборники романов Газданова, изданные в России в 1990-е годы, А. Фрумкина попутно заметила о герое газдановского романа: «... Александр Вольф наделен как бы предугаданным литературным будущим Набокова: это русский писатель, пишущий по-английски необыкновенно тонкие, изощренные и неукоренённые вещи, так что даже нельзя понять – откуда, из какой страны он происходит» [Фрумкина, 1992, с. 243]. Позднее Юрий Нечипоренко, также в рецензии, обронил фразу о том, что Набоков был «уничтожен в романе “Призрак Александра Вольфа”» [Нечипоренко, 1998, с. 221].

Тем более эти аллюзии не могли пройти мимо внимания Набокова, который – вслед за Достоевским и Чеховым – как известно, и сам великолепно владел искусством скрытой литературной полемики.

Конечно же, вряд ли Набоков был в восторге, найдя в романе Газданова вымышленную историю, в которой в символической форме были воплощены творческие разногласия с ним его младшего современника. Тем более что в реальной жизни он даже не был с ним знаком. Хорошо известно, что Набоков болез-

ненно реагировал в эти годы даже на хвалебные статьи о нем его недавних друзей, если похвалы в них по отношению к нему не были безоговорочными [см. хотя бы: Шаховская, 1991, с. 36–38].

Набоков поднял перчатку и в свою очередь написал убийственную криптопародию на Газданова. Пожалуй, она носит даже более язвительный характер, чем карикатура Достоевского на Тургенева в «Бесах». При этом – как обычно в литературе XX века по сравнению со словесностью века XIX-го – эта криптопародия явно менее прозрачна.

Карикатура эта находится на страницах самого известного романа Набокова «Лолита». Тем не менее, до последнего времени она оставалась незамеченной. Так, в современных научных изданиях этого романа парижский эпизод с первой женой главного героя-рассказчика Валерией и ее любовником шофером такси Максимовичем под этим углом зрения, как правило, никак не комментируется [см., например: Набоков, 1991, с. 356–414; Набоков, 2003, с. 601–667].

По-видимому, именно крайне нелюбезный характер этой закамуфлированной карикатуры – при том, что причины ее создания до недавнего времени оставались неизвестными – долго время не позволял исследователям (и мне в том числе) – заметить ее.

Напомню, что роман «Призрак Александра Вольфа» был напечатан в 1947 году, а работа над «Лолитой» была начата Набоковым в 1949-м. При этом криптопародия на Газданова помещена в самом его начале, в котором еще описывается жизнь Гумберта в Париже. Таким образом, написана эта криптопародия была по сравнительно горячим следам.

Первая жена быстро охладевшего к ней главного героя романа Валерия признается ему в том, что у нее есть любовник, которым оказывается шофер такси Максимович. В облике этого шофера есть черты, которые позволяют считать его прежде всего шаржированным портретом образованного русского эмигранта вообще, вынужденного – как и сотни реальных русских эмигрантов в Париже в 1930-е годы – зарабатывать себе на жизнь, став шофером такси. В авторском переводе романа это «коренастый русак, бывший полковник Белой Армии, пышноусый, стриженный ёжиком» [Набоков, 2003, с. 39–40].

В приведенной первоначальной и почти чисто внешней характеристике героя все призвано скорее создать типичный портрет шофера-эмигранта. За исключением службы в Белой Армии – которая, впрочем, была за плечами у многих парижских шоферов русского происхождения – ничто, казалось бы, не указывает в ней на Газданова. Однако это, по всей видимости, сделано намеренно – с тем, чтобы приведенная характеристика имела предельно обобщенный характер и тем самым только затемняла дальнейшую закамуфлированную криптопародию на Газданова.

Как известно, значительную часть парижских таксистов в 1920–1930-е годы составляли русские офицеры. Были среди них и литераторы. Например, один из них Евгений Тарусский (псевдоним Евгения Викторовича Рышкова, 1890–1945),

помощник редактора «Вечернего времени», сотрудник «Возрождения», соредактор издававшегося в Париже журнала «Часовой», автор автобиографического романа «Экипаж “Одиссеи”» (Париж, 1928), даже написал песню «Монмартрский шофер» (Часовой. 1929. № 19–20). Одно время Тарусский был соредактором парижской «литературно-профессиональной газеты» «Русский шофер. Изд. Всеобщего союза рус. шоферов».

5. Набоковский Максимович и Газданов

Впрочем, каких-либо сведений о специальном интересе Набокова к Евгению Тарусскому нет. Зато, как мы видели выше, у него был особый, а в это время скорее всего даже пристальный интерес к Газданову. Последний же был, без всякого сомнения, самым известным в литературе русского зарубежья водителем такси.

Все эти соображения только укрепляются при внимательном знакомстве с данным эпизодом «Лолиты». В нем очень скоро обнаруживаются скрытые аллюзии на некоторые черты личности и биографии Газданова, представленные в романе в шаржированном виде.

Во-первых, внешность этого второстепенного героя «Лолиты» («**низкорослый, но широкоплечий**... казался вылитым из чугуна»)³ представляет собой почти буквальное его портретное изображение. Как отмечали современники – в частности, например, М. Л. Слоним – Газданов «**был мал ростом, широк в плечах**, ладно скроен и силен, любил спорт и физические упражнения» [Газданов, т. 1; с. 415]. Ср. также свидетельство о нем А. Бахраха: «*был физически очень силен, весьма спортивен*, в свое время был первоклассным пловцом и прекрасным гимнастом-любителем, каждое утро посвящаящим немало времени упражнениям, необходимым для *развития мускулатуры*» [Газданов, т. 1; с. 434].

Во-вторых, новоиспеченная чета Максимовичей становится затем, к вящему торжеству Гумберта, «объектами опыта, производившегося известным американским этнологом. Опыт имел целью установить человеческие (индивидуальные, расовые) реакции на питание одними бананами и финиками *при постоянном пребывании на четвереньках*» [Набоков, 2003, с. 42].

Этот элемент криптопародии, который представляется уж слишком беспощадной мстью со стороны Набокова, также, по всей видимости, вдохновлен реальной чертой Газданова. В литературной среде русской эмиграции последний был известен довольно уникальным умением ходить вверх ногами. Как вспоминал о Газданове, например, М. Л. Слоним, «он часто показывал приятелям гимнастические трюки, особенно излюбленное им *хождение вниз головой на руках*» [Газданов, т. 1; с. 415].

В-третьих, возмущенный тем, что Максимович воспользовался в его квартире уборной, но не спустил воду, Гумберт склонен, однако, объяснять это «ничем иным, как русской мещанской вежливостью (*с примесью чего-то азиатского*)».

³ Выделено нами. – С.К.

В английском оригинале “middle-class Russian courtesy (with an Oriental tag, perhaps”)), т.е. буквально: «с примесью чего-то восточного» – что снова может метить в Газданова, происходившего из небогатой осетинской семьи.

В-четвертых, Максимович не просто образованный, но весьма сведущий в литературе шофер. «Мне кажется, – говорил он Гумберту о Валерии, на которой намеревался жениться – ей понравится “Жан-Кристоф” – как вы думаете?» О, он был суций литературовед, этот господин Таксович».

В английском оригинале это место звучит так: “Oh, he was quite a scholar, Mr. Taxovich” [Nabokov, 1938, p. 35] (то есть не «литературовед», а «ученый» или «весьма образованный человек»). В последнем значении слова это вполне соответствует Газданову, прекрасно знавшему не только русскую, но и западные, в особенности французскую, литературы.

В-пятых, фамилия шофера «Максимович», производная от первой части псевдонима имени известного пролетарского писателя, и высказанные им литературные предпочтения (Ромен Роллан) могли намекать на хорошо известные Набокову намерения Газданова вернуться в Россию. Еще в начале 1930-х годов в одном из писем Набоков писал, что Газданов одной ногой уже в Советской России. После Второй мировой войны, в ходе которой Газданов участвовал в движении Сопrotивления, для его возвращения на родину снова возникали некоторые довольно серьезные основания.

Однако Набоков не был бы Набоковым, если бы не сопроводил эту карикатуру анаграмматической аллюзией, аналогичной газдановскому намеку на самого Набокова в фамилии его героя («Вольф»), причем снова более резкой. Эта анаграмма имеется только в английском оригинале романа, который, как это часто бывает, содержит более прозрачные намеки на Газданова, чем его авторский русский перевод. В нем она никак не передана (сделать это было довольно трудно).

Фраза «but he seemed to be all over the place at once, *le gredin*» [Nabokov, 1938, p. 37], которую сам Набоков передал в своем переводе как «но мерзавец находился, казалось, одновременно всюду...» [Набоков, 2003, с. 41], содержит французское слово “*le gredin*”. Слово это, естественно, обращает на себя особое внимание в английском тексте. Вдобавок оно еще и выделено курсивом.

При этом оно содержит неполную консонантную анаграмму фамилии Газданова: – “Gazdanov”. С учетом графической схожести латинского “r” с “z” эту анаграмму можно считать почти полной: “grdn” и в фонетическом, и особенно в графическом отношении, безусловно, весьма близко к “gzdnv”.

Слово это во французской речи употребляется нечасто и выглядит как тщательно подобранное автором как раз с анаграмматическими целями.

Излишне говорить о том, насколько органичны для Набокова криптопародийные эскапады с анаграмматическим ключом. Зная о том, как он обошелся в своих произведениях с некоторыми современными ему русскими писателями,

нельзя сомневаться в том, мог ли Набоков позволить себе такую жестокую месть по отношению к Газданову. Тем более что некоторые основания для нее последний ему действительно дал.

Впрочем, это все же только криптопародия, причем далеко не самая прозрачная. Ее скрытый, конкретный план затемняет явная и очевидная травестия парижского шофера из русских эмигрантов в целом. Аналогичным образом в романе Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» открытая пародия на Гоголя и людей «сороковых годов» в целом сосуществует с криптопародией на социалистов [Кибальник, 2021, с. 13–68].

Возможно, почувствовав крайнюю резкость своей криптопародии на Газданова в «Лолите», Набоков в 1956 году, наконец, перепечатал свой рассказ «Тяжелый дым» в составе сборника рассказов «Весна в Фиальте». Никаких изменений в текст он при этом не внес. Так что газдановский «Вечер у Клэр» благополучно сохранил свое место на книжной полке его героя.

6. Интертекстуальная дуэль

Таким образом, в реальности между Газдановым и Набоковым имела место не заочная симпатия двух так и никогда не познакомившихся друг с другом блестящих литературных талантов, а настоящая интертекстуальная дуэль, ничуть не менее кровавая, чем у Достоевского с Тургеневым. Быть может, это не так уж хорошо для поддержания веры в возможность мирного литературного сосуществования писателей-конкурентов и в человеческую природу вообще. Однако, тем не менее, это так.

И то, что на этот счет не существует, насколько мне известно, никаких свидетельств современников, вовсе не показатель.

Английский оригинал «Лолиты» появился в 1955 году в Париже. При этом роман вышел в бульварном издательстве. Между тем литературная среда русской эмиграции после Второй мировой войны значительно изменилась. Она уже не так прилежно следила за новыми книгами Набокова. Живых участников литературной жизни Парижа 1930-х годов в ней оставалось не так уж много.

Еще меньше было их к 1959 году, когда «Лолита» появилась во французском переводе, а Набоков приезжал в Париж. Что уж говорить о 1967-м годе, когда роман впервые был издан на русском языке в Нью-Йорке.

Так что скорее всего жестокую криптопародию Набокова на Газданова заметили не так уж многие. Те же, кто все же заметил, учитывая ее скандальность и безусловность, – в образе Максимовича, как мы подчеркивали выше, наряду с узко-конкретным, есть и более широкий план пародии – по-видимому, предпочли, нигде письменно или, тем более, печатно, о ней не обмолвиться.

Впрочем, далеко не все письменные свидетельства о литературе русской эмиграции сохранились. А из этих сохранившихся свидетельств далеко не все нам доступны. Еще меньше из них опубликованы. Кто знает, быть может, со временем такое свидетельство и появится?

Напомню, что, например, о пародии Достоевского на Гоголя в «Селе Степанчикове...» есть только одно свидетельство (А. А. Краевского). Между тем аллюзии на личность и произведения Гоголя бросаются в глаза едва ли не с первой страницы этого романа Достоевского.

Трудно сказать, заметил ли эту криптопародию на него в «Лолите» сам Газданов. По всей видимости, он не очень хорошо – по крайней мере, до начала его работы на радиостанции «Свобода» (в 1953 году) – знал английский язык. К моменту же выхода в свет русского перевода «Лолиты» Газданов уже потерял какой-либо интерес к Набокову.

Если он всё же ее заметил, то, возможно, резкость его последних отзывов о Набокове в письмах объясняется в том числе и этим. «Рассказы у него замечательные, романы хуже, а теперь, под конец жизни он впал в какой-то глупейший снобизм дурного вкуса – к чему, впрочем, у него была склонность и раньше» – писал, например, Газданов в письме к Л. Д. Ржевскому от 20 декабря 1960 года [Газданов, т. 1; с. 13–68].

Во всяком случае отзыв Газданова о Набокове, относящийся к 1967 году, когда его знакомство с автопереводом «Лолиты» на русский язык было уже возможно, по резкости вполне сопоставим с набоковской криптопародией на самого Газданова. Говоря о своем неприятии Достоевского, которого он, тем не менее, признавал «одним из немногих гениев в литературе», Газданов пишет в письме к Г. В. Адамовичу: «в одной пятке Достоевского больше ума и понимания, чем во всех произведениях Набокова, вместе взятых» [Газданов, т. 1; с. 157].

Автоперевод «Лолиты» на русский язык вышел в свет в Нью-Йорке 30 августа 1967 года. Письмо Газданова к Г. В. Адамовичу написано вскоре после этого – 28 сентября 1967 года.

7. Исход дуэли

Итак, как мы видели, литературная дуэль между Газдановым и Набоковым была вызвана причинами литературно-эстетического и даже этикомировоззренческого характера.

Первым стрелял Газданов, и выстрел его получился довольно метким. Набоков в ходе дуэли в основном отстреливался, но тоже небезуспешно. В качестве конкретной мишени он также избирал наиболее чуждое ему самому в личности и творчестве Газданова.

По всей видимости, стоит признать, что дуэль эта не завершилась победой ни того, ни другого из ее участников. Во всяком случае оба они остались в результате ее в живых. К счастью, подобное далеко не редкость, а даже скорее правило в истории не реальных, а именно литературных дуэлей. Более того, как и литературная дуэль между Достоевским и Тургеневым, она только обогатила историю русской литературы.

И теперь, когда мы знаем об этой дуэли, некоторые страницы произведений Газданова и Набокова обретают в наших глазах особый смысл, который в значительной своей части остался недоступен их современникам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бойд, Б. Владимир Набоков. Русские годы / Б. Бойд. – Санкт-Петербург: Symposium, 2010. – 696 с.

Газданов, Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1 / Г. Газданов. – Москва: Эллис Лак, 2009. – 875 с.

Диенеш, Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество / Л. Диенеш. – Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. ин-та гуманитар. исслед., 1995. – 300 с.

Левинг, Ю. Тайны литературных адресатов В. В. Набокова: Гайто Газданов / Ю. Левинг // Набоковский вестник. – Санкт-Петербург, 1999. – Вып. 4. – С. 75–90.

Кибальник, С. А. Газдановский интертекст в романе Набокова «The Real Life of Sebastian Knight» / С. А. Кибальник // Культура русской диаспоры: знаки и символы эмиграции: Сб. ст. / Таллин. ун-т; Ин-т славян. яз. и культур; Ред. А. А. Данилевский, С. Н. Доценко. – Москва, 2015. – С. 159–166.

Кибальник, С. А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе / С. А. Кибальник. – Санкт-Петербург: Изд-во «Петрополис», 2011. – 410 с.

Кибальник, С. А. Криптографические образы И. С. Тургенева в творчестве Ф. М. Достоевского 1860-х годов / С. А. Кибальник // Филол. науки. – 2019. – № 3. – С. 77–86.

Кибальник, С. А. Философский интертекст творчества Достоевского / С. А. Кибальник. – Санкт-Петербург: Изд-во «Петрополис», 2021. – 363 с.

Нечипоренко, Ю. Магия свидетельства / Ю. Нечипоренко // Знамя. – 1998. – № 4. – С. 221–222.

Набоков, В. Лолита. Примеч. А. Аппеля и А. А. Долинина / В. Набоков. – Москва: Художественная литература, 1991. – 413 с.

Набоков, В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. Лолита. Смех в темноте / В. Набоков. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 2003. – 670 с.

Сологуб, Ф. Мелкий бес. Изд. Подготовила М. М. Павлова/ Ф. Сологуб. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – 890 с.

Фрумкина, А. Предназначение и тайна / А. Фрумкина // Новый мир. – 1992. – № 1. – С. 243–244.

Шаховская, З. А. В поисках Набокова. Отражения / З. А. Шаховская. – Москва: Книга, 1991. – 316 с.

Шульман, М. Ю. Газданов и Набоков / М. Ю. Шульман // Возвращение Гайто Газданова. – Москва, 2000. – С. 15–24.

Nabokov, V. Lolita. – New York, 1958. – 148 p.

REFERENCES

Bojd, B. Vladimir Nabokov. Russkie gody / B. Bojd. – Sankt-Peterburg: Symposium, 2010. – 696 с.

Dienesh, L. Gajto Gazdanov. Zhizn' i tvorcestvo / L. Dienesh. – Vladikavkaz: Izd-vo Sev.-Oset. in-ta gumanitar. issled., 1995. – 300 s.

Gazdanov, G. Sobranie sochinenij: v 5 t. T.1 / G. Gazdanov. – Moskva: Ellis Lak, 2009. – 875 s.

Leving, Yu. Tajny literaturnyh adresatov V. V. Nabokova: Gajto Gazdanov / Yu. Leving // Nabokovskij vestnik. – Sankt-Peterburg, 1999. – Vyp. 4. – S. 75–90.

Kibal'nik, S. A. Filosofskij intertekst tvorcestva Dostoevskogo / S. A. Kibal'nik. – Sankt-Peterburg: Izd-vo «Petropolis», 2021. – 363 s.

Kibal'nik, S. A. Gazdanovskij intertekst v romane Nabokova «The Real Life of Sebastian Knight» / S. A. Kibal'nik // Kul'tura russoj diaspori: znaki i simvoly emigracii: Sb. st. / Tallin. un-t; In-t slavyan. yaz. i kul'tur; Red. A. A. Danilevskij, S. N. Docenko. – Moskva, 2015. – S.159–166.

Kibal'nik, S. A. Gajto Gazdanov i ekzistencial'naya tradiciya v russoj literature / S. A. Kibal'nik. – Sankt-Peterburg: Izd-vo «Petropolis», 2011. – 410 s.

Kibal'nik, S. A. Kriptograficheskie obrazy I. S. Turgeneva v tvorcestve F. M. Dostoevskogo 1860-h godov / S. A. Kibal'nik // Filol. nauki. – 2019. – № 3. – S. 77–86.

Nabokov, V. Lolita. Primech. A. Appelya i A. A. Dolinina / V. Nabokov. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1991. – 413 s.

Nabokov, V. Sobranie sochinenij amerikanskogo perioda: v 5 t. Lolita. Smekh v temnote / V. Nabokov. – Sankt-Peterburg, 2003. – 670 s.

Nechiporenko, Yu. Magiya svidetel'stva / Yu. Nechiporenko // Znamya. – 1998. – № 4. – S. 221–222.

Nabokov, V. Lolita. – New York, 1958. – 148 p.